

Mag. > ¹⁾ впадаетъ съ другой стороны самъ въ ошибку. Онъ утверждаетъ, что и въ исторіи своего быстрого и горькаго разочарованія, Доротея оказывается столь же недалекой: она будто бы скорбитъ не о томъ, что Кезобонъ безсердечный и бездарный педантъ, а лишь о томъ, что онъ стоитъ на ложной научной стезѣ, изучая не тѣ источники, какіе нужно (кстати замѣтить, по мнѣнію молодого Вилля Ледислау). Тотъ, кто внимательно прочелъ повѣсть супружеской жизни Доротеи, этого не скажетъ. Мы видимъ ее въ Римѣ, въ первыя недѣли послѣ брака, предъ скорбнымъ изваяніемъ статуи Аріадны, и одиноко плачущей въ своей комнатѣ, между тѣмъ, какъ Кезобонъ корпится въ архивѣ. Мы знаемъ, до чего болѣзненно отзывались въ ея сердцѣ чисто-внѣшняя, холодная любезность мужа, подавленное нетерпѣніе, съ которымъ онъ отклонялъ всякое ея вмѣшательство въ свои дѣла, и непонятныя ей, но томительныя проявленія его скрытой ревности. Мы не въ силахъ забыть сцены въ саду, послѣ разговора съ докторомъ, когда Кезобонъ, угрюмый и сердитый, продолжаетъ идти, скрестивъ руки за спиной (будто не замѣчая присутствія жены и того, какъ неловко рукъ, обнявшей его съ теплымъ участіемъ); а также рыданій Доротеи подъ жгучими лучами солнца (послѣ этой сцены), ея гнѣва, отчаянія и великодушнаго порыва состраданія къ больному и раздраженному старику. — Нѣтъ, горькое разочарованіе Доротеи, конечно, не обусловливалось неправильнымъ выборомъ изучаемыхъ Кезобономъ источниковъ, хотя безцѣльность и бесплодность работы, низведшей его до муміеобразнаго состоянія, должна была естественно прибавить горечи къ общему итогу неудовлетворенныхъ порывовъ молодого сердца и ума, горячо стремившагося къ свѣту. — Какъ исторія Доротеи ²⁾, такъ и картина тройнаго взаимодѣйствія столь различныхъ природъ, какъ главные лица этой драмы—Кезобонъ, Дорогея и Вилль—поражаютъ правдой, глубиной и оригинальностью всей постановки.

¹⁾ Рецензія въ „Cornh. Mag.“ одна изъ лучшихъ и кромѣ того отличается отъ прочихъ наклонностью отыскивать не достоинства, а напротивъ недостатки произведеній, которыя въ общемъ итогѣ признаетъ гениальными.

²⁾ Въ біографіи Дж. Эліота приведенъ слѣдующій любопытный анекдотъ. Одна сердобольная дама выразила г-жѣ Льюисъ глубокое соболѣзнованіе по поводу тяжкаго опыта ея супружеской жизни, приведшаго къ созданію ужаснаго характера Кезобона. Когда писательница, невольно улыбнувшись предположенію и безтактности своей гостьи, стала—въ виду ея несомнѣнной искренности—доказывать, что никто не можетъ походить на Кезобона менѣе живого и добродушнаго Льюиса, дама вновь спросила: „Съ кого же вы, въ такомъ случаѣ, писали Кезобона, откуда вы могли знать его?“ Дж. Эліотъ съ шутивой серьезностью указала на свое сердце.